



ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.01; 159.9:001.8

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОСНОВАНИЙ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ

И. Е. Гарбер

Саратовский государственный университет
E-mail: Ilya.Garber@gmail.com

Рассмотрены соотношение эмпирических данных, структуры теории и оснований научной психологии, понимаемой как академическая и прикладная дисциплина. Представлены генезис и трансформация оснований научной психологии. Проанализированы явные и неявные основания психологического знания, их связь со здравым смыслом, жизненным опытом и интуицией.

Ключевые слова: эмпирические данные, структура теории, явные основания психологии, неявные основания психологии, здравый смысл, жизненный опыт, интуиция.

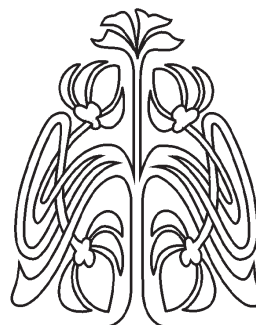
Transformation of Foundations of Scientific Psychology

I. E. Garber

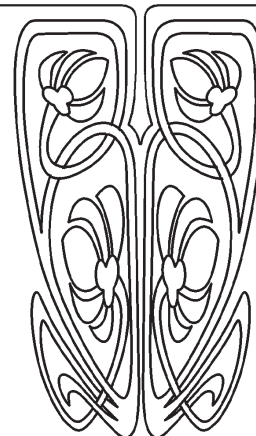
Relations between empirical data, theory structure and foundations of scientific psychology (interpreted as academic and applied discipline) are considered. Genesis and transformation of foundations of scientific psychology are represented. Declared and latent foundations of psychological knowledge, their relations with common sense, life experience and intuition are analyzed.

Key words: empirical data, theory structure, declared foundations of psychology, latent foundations of psychology, common sense, life experience, intuition.

В информационном обществе многие науки столкнулись с феноменом *перепроизводства эмпирических данных*. Он заключается в том, что эмпирические данные производятся быстрее, чем могут быть проанализированы, наглядно представлены, поняты, осмыслены и проинтерпретированы. Применительно к научной психологии речь может идти об оцифрованной личной информации, собираемой и используемой провайдерами сотовой связи и Интернета, социальных сетей, медицинскими и образовательными учреждениями, владельцами камер видеонаблюдения, вплоть до служб космического наблюдения за Землей, банковских служб (дебетовые и кредитные карты) и т.д. Юридическая проблема доступа к ней, регулируемая Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», разрешается, например, использованием данных в обезличенной форме штатными психологами соответствующих организаций. При соблюдении этических требований и норм закона становятся актуальными непривычные для научной психологии размеры выборок; появляется возможность эмпирического изучения жизненно важных ситуаций, воспроизведение которых в лабораторных условиях затруднительно; изменяются методы и технологии психологического исследования.



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





Т. Кун, как и многие другие историки и философы науки, концентрировал внимание на идее, что накопление эмпирических фактов критично для развития науки. В переводе на метафорический язык это утверждение звучит неубедительно: для строительства здания самое важное – собрать побольше хороших кирпичей. Нарастание числа аномальных, необъяснимых парадигмальной теорией эмпирических фактов («плохих кирпичей») свидетельствовало, по мнению Т. Куна, о кризисе, приближении научной революции («развале здания») и предстоящей смене парадигм («переезде в другое здание»: «научная теория объявляется недействительной только в том случае, если альтернативный вариант пригоден к тому, чтобы занять ее место»¹).

В отличие от «кирпичной» теории, теория «раствора» ориентирована на изучение того, что находится между кирпичами, состава раствора, связывающего их между собой. Метатеоретика, исходящего из теории систем и теории сложности, интересует: как устроены дома безотносительно к тому, какие элементы использовались (стандартные кирпичи или камни); какие техники использовали каменщики, построившие хорошие дома; какова технология превращения груды кирпичей в комфортабельный дом. В рамках этой логики на первый план выходит анализ структуры теории: от разбросанных в беспорядке на земле кирпичей (отсутствия структуры) через груды кирпичей (плохо упорядоченную, неудачную структуру) к зданию (хорошо упорядоченной, успешной структуре).

Для строителя, желающего построить добротный дом, равно важны как качество кирпичей, так и качество раствора и фундамента. Большинство современных науковедов признает теоретическую нагруженность эмпирических фактов и то, что качество теории не может быть проверено только с помощью эмпирической валидации, однако на практике отдает явное предпочтение «кирпичам» (эмпирическим фактам) перед «раствором» (формальной структурой теории) и «фундаментом» (ее исходными положениями). При этом для ученых, не являющихся метатеоретиками, стандартный метод проверки теории заключается в применении ее на практике и сборе эмпирических данных. Метатеоретик рассматривает сами теории как данные и, оценив структуру теории, отдает предпочтение более сложной, безотносительно к подтверждающим или опровергающим ее эмпирическим данным².

На наш взгляд, в теоретическом плане проблема представления и обработки массивов эмпирических данных тесно связана с фундаментом, основаниями науки. В последние годы их изучению уделяют внимание как отечественные методологи (Л. Я. Дорфман, Е. В. Левченко, В. С. Степин и др.), так и зарубежные специалисты, издающие с 1995 г. журнал «Foundations of Science»,

посвященный обсуждению фундаментальных понятий, принципов, предположений и нерешенных проблем как традиционных дисциплин, так и недавно возникших междисциплинарных областей.

Целью данной статьи является изучение трансформации оснований научной психологии, понимаемой как академическая и прикладная дисциплина. Анализируются явные и неявные основания психологического знания, их связь со здравым смыслом, жизненным опытом и человеческой интуицией.

Как известно, теоретическое познание направлено на *описание, объяснение и предсказание* процессов и явлений действительности. Для психолога-практика методологическая триада выглядит несколько иначе: *диагностика – прогнозирование – управление*³. В обоих случаях академический и прикладной психологи исходят из целостной модели, опирающейся на основания науки, – идеалы и нормы исследования, в том числе этические; научную картину мира и некоторые философские (метафизические, эвристические) идеи, выраженные в явной или, чаще, в латентной форме. Изобразим трансформацию познания схематически в виде лестницы (рис. 1).

Научное
Философское
Религиозное
Мифологическое

Рис. 1. Лестница познания

Она соответствует концепции трех стадий духовного развития человечества: магия, религия, наука, предложенной Дж. Фрээрером. Согласно его теории, на «магической» стадии развития люди верили в возможность произвольно изменять окружающий мир по своей воле, однако на практике убедились, что это не так, и стали считать, что мир подчиняется всемогущим богам и сверхъестественным силам, затем преобладало мнение о том, что мир управляется «законами природы», познав которые, можно управлять им. При этом переход от «низшей» стадии к «высшей», согласно Дж. Фрээреру, характеризуется почти полным отказом от предшествующих идей: магия почти полностью исчезает на «религиозной» стадии, а религия – на «научной».

Ранее иерархия основных наук была предложена в классификационной схеме О. Контом (рис. 2).

Социология
Биология
Химия
Физика
Астрономия
Математика

Рис. 2. Лестница наук



Эта схема выражает в логической форме исторический процесс становления и развития научного знания, его эволюционную динамику, постепенный переход от простого к сложному, от низшего к высшему, от общего к специфическому. Выделение наук по остаточному, генетическому принципу позволяет предположить, что существует некоторая преемственность в трансформации оснований различных наук и применяемых ими методов. В частности, можно говорить о параллельном (совместном) смещении границ наук: вследствие экспансии нижележащих наук в пограничные области расположенных выше смежных наук как верхняя, так и нижняя границы каждой науки смещаются в сторону более сложно организованных объектов и, как минимум, можно утверждать, что *нижележащие науки влияют на основания вышележащих смежных наук*⁴.

Превращение фактов обыденной жизни в миф было основано на *принципе антропоморфизма*, следы которого сохранились в современном языке: мы говорим, что дождь идет, небо хмурится, а листва шепчет. Ж. Пиаже изучил сходные особенности представлений маленьких детей об окружающем мире: неразделенность мира и собственного «Я», анимизм и артификализм. *Мифологические основы познания обеспечивали целостную картину мира, единство рационального и эмоционального, знания и переживания, утраченные позднее*. В современном обществе миф, как правило, находится вдали от мировоззренческого центра, но нередко используется метафорически.

В отличие от *монологического* мифологического познания, религиозное познание в монотеистических религиях имеет *лично-диалогический* характер. М. Бубер утверждал, что любое отношение «Я – Ты» возможно лишь потому, что существует Бог как Вечное «Ты»⁵. Значительную часть культуры современного общества можно интерпретировать как совокупность секуляризованных форм религиозной веры и практик. В частности, психологическому познанию природы, общества и человека предшествовала целостная религиозная картина мира. Принятые многочисленными социальными общностями *религиозные догматы, как правило, выражались в явном виде*, например, таковы золотое правило нравственности и десять заповедей (Декалог)⁶. *Явное, детальное описание исходных символов веры требовалось для эффективной организации жизнедеятельности религиозных сообществ*. Вторая особенность оснований религиозного познания заключается в *неизменности базовых постулатов веры* на протяжении длительного времени.

Главной особенностью философского знания, по сравнению с религиозным, является его рационально-теоретическая форма. Согласно

теории рациональности М. Вебера, ее возникновение, становление и развитие связаны с освобождением человека от магических суеверий, рационализацией мировых религий, минимизацией догматики и ритуала, расколдовыванием религиозной картины мира. Вместо *образа и символа*, характерных для мифа, философия предложила рациональные *понятия, категории и термины*. *Радикальное изменение формы при возникновении философии сопровождалось минимальными изменениями содержания*. Отметим, что в качестве компенсации за утрату некоторых достоинств мифологического и религиозного подходов в современной психологии, исходя из того, что «образ в контексте моделирования равен по значимости абстрактному понятию или даже вытесняет его»⁷, создание *моделей-в-понятиях* и *моделей-в-образах* рассматривается не только как метод исследования, но и как способ репрезентации известного психологического знания, создания *психологии-в-моделях*, основанной на синтезе научного знания с мифологическим, религиозным и художественным.

Несоответствие рациональной формы представления знания его традиционному содержанию было преодолено рождением, становлением и успехами науки Нового времени. Анализ Л. М. Косаревой исходил из того, что «традиционалистский тип этики исполнения готовых норм-заповедей эффективен в условиях относительной социальной стабильности, в условиях существования устойчивого уклада жизни. Переходные эпохи, разрушающие стабильный порядок, традиции, делают человека, ориентированного только на исполнение готовых моральных предписаний, беспомощным перед лицом социальной неопределенности, беспорядка, хаоса» и обосновывал, что становление науки Нового времени было связано с формированием новой этики, этики Фауста в противоположность средневековой этике Гретхен⁸. Для начала XXI в. характерно систематическое движение по лестницам познания (см. рис. 1, 2) не только в направлении «снизу вверх», но и «сверху вниз».

Основания современной психологии, ее базовые от-refлексированные (явные) и неот-refлексированные (неявные) представления о том, как устроен мир человека и как его можно познавать, можно рассматривать в сопоставлении со здравым смыслом, жизненным опытом и интуицией, а их критерием адекватности служит прогресс теоретического знания и прикладных технологий.

Явные основания науки соответствуют здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции. В психологии исходной базовой посылкой является явное и очевидное утверждение о существовании у человека души, внутреннего мира: «мало кто из взрослых людей сомневается



в наличии у себя субъективной реальности: переживаний, чувств, мыслей, снов»⁹, а во введениях учебников для начинающих прибегают к определению, которого стыдятся: «Психология – наука о психике», и о котором вскоре «забывают», как о ненужном. Через два года после завершения «Принципов психологии» У. Джемс написал о том, что в основе психологии лежит «глубоко укоренившийся предрассудок, будто мы обладаем состояниями сознания, а мозг наш обуславливает их существование»¹⁰. В настоящее время первый вариант ассоциируется с непримиримыми противоречиями между психологами различных школ по поводу правомерности постановки тех или иных научных проблем и методов их решения. (Явные основания науки соответствуют здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции).

Явные основания науки противоречат здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции. Фр. фон Хайек сформулировал парадоксальную мысль: «Науку занимает не то, что думают люди о мире, и не то, как они в связи с этим себя ведут, а то, что им следовало бы думать»¹¹. На первый взгляд, она обесценивает предмет психологии. Однако ему вторит создатель концепции личностного (или неявного) знания М. Полани: «Из двух форм знания более объективной мы должны считать ту, которая в большей мере полагается на теорию, нежели на более непосредственное чувственное восприятие»¹². Истоки этого направления развития науки в мировоззренческом плане связаны с созданием Коперником гелиоцентрической системы мира (на одном из памятников ему написано: «Остановивший Солнце – сдвинувший Землю»). Автор теории, противоречащей жизненному опыту людей, понимал, какой нелепостью должно было показаться его учение современникам, но был уверен в том, что предложил не просто удобную математическую модель для астрономических расчетов, но истинное описание реального мира. Многими учеными подход Коперника, Галилея, Ньютона, Эйнштейна и Бора считается универсальным, общезначимым и относящимся не только к физике. Призыв К. Левина к переходу от аристотелевского способа мышления к галилеевскому был услышан психологами, понят, но по различным причинам не был принят и не реализован до сих пор. Желая использовать достижения естественных наук и вписать психологию в общую научную картину мира, К. Левин ощутил недостаточность галилеевского и ньютоновского мышления и наметил переход от атомистического способа мышления Галилея–Ньютона к полемому мышлению Бора–Эйнштейна. Он разработал теорию «психологического поля», привлек аппарат топологии и векторных репрезентаций для решения психологических

проблем, однако подвергся обоснованной критике и, надо признать, не добился на этом пути убедительных результатов. Среди современных последователей К. Левина назовем Я. Вальсинера и Л. Рудольфа.

Неявные основания науки соответствуют здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции. Этот вариант преобладает в психологии. Как следствие, перевод написанных в рамках этого подхода трудов с научного языка на житейский нередко показывает тривиальность разработанных теорий. Ч. Миллс, проанализировав ряд учебников, показал, что в основе представлений их авторов – социологов и социальных психологов – о социализации лежит мораль жителя небольшого американского города¹³. Систематическое использование неявных оснований в психологии затрудняет различение между идеальными конструктами и реальными событиями (явлениями). Возможно, что вопрос об отношении души и тела (как и другие известные в психологии дуализмы и параллелизмы) является не научной проблемой, а культурно обусловленной, касающейся связей между идеальным конструктом (душа) и реальной вещью (тело) и основанной на вере в возможность развития науки, базирующейся на анализе аналогий, метафор и мифов, а не конкретных событий. Заслуживает внимания вопрос о том, предоставляет ли психология, построенная на таком основании, что-то новое по сравнению со здравым смыслом, жизненным опытом и интуицией. Н. Смит предложил иерархическую модель системы постулатов для десяти различных систем психологии. В основании иерархии лежат *протопостулаты* – общие руководящие допущения, касающиеся науки в целом. Выше них расположены *метапостулаты* – допущения, относящиеся к конкретной науке, и *постулаты* – допущения, относящиеся к предмету изучения и делящиеся на имплицитные, полужексплицитные и эксплицитные¹⁴. Важный аргумент «за» третий подход представляет практика, когда вступает в противоречие с соображениями здравого смысла, жизненного опыта и интуицией. Д. Майерс утверждает, что психология нужна для того, чтобы отделить ошибки хиндсайта (*hindsight bias* – феномен «я знал это!») от реальности¹⁵.

Неявные основания науки противоречат здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции. Нам не удалось обнаружить примеры теорий, опирающихся на такого рода основания, в академической науке. Возможно, они имеются в области псевдонауки, лженауки, паранауки, квазинауки, постулирующей существование сверхъестественных явлений и сил: «торсионных», «тонких», «биоинформационных» полей, «энергии ауры», экстрасенсорных способностей, не признаваемых современной наукой.



Примечания

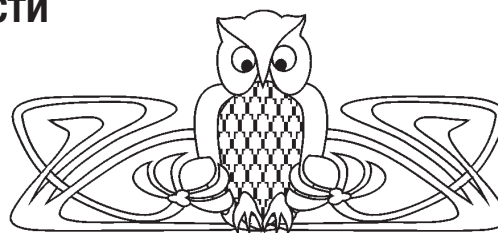
- ¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 112.
- ² Wallis S. E. The Structure of Theory and the Structure of Scientific Revolutions: What Constitutes an Advance in Theory? // *Cybernetics and Systems Theory in Management: Tools, Views, and Advancements*. Hershey, 2009. P. 151–174.
- ³ См.: Суходольский Г. В. Математическая психология. Харьков, 2006. С. 351.
- ⁴ См.: Имянитов Н. С. По «лестнице наук» – к искусству // *Философия науки*. 2003. № 4 (19). С. 4.
- ⁵ См.: Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М., 1999. 132 с.
- ⁶ Лефевр В. А. Алгебра совести. М., 2003. 426 с.
- ⁷ Старовойтенко Е. Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М., 2001. С. 11.
- ⁸ Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 20.
- ⁹ Психология XXI века. М., 2003. С. 7.
- ¹⁰ Цит. по: Хант М. История психологии. М., 2009. С. 190.
- ¹¹ Хайек Ф. А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М., 2003. С. 39.
- ¹² Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. С. 21.
- ¹³ См.: Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М., 2001. С. 7.
- ¹⁴ См.: Смит Н. Современные системы психологии. СПб., 2003. С. 350–355.
- ¹⁵ См.: Майерс Д. Социальная психологи. СПб., 1996. С. 40–46.

УДК 316.647

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

А. В. Гуслякова

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: ann-gusl@yandex.ru



В статье представлены итоги исследования межэтнических отношений в двух приграничных районах: полиэтничном районе России и моноэтническом районе Казахстана. Рассматриваются социально-психологические факторы и особенности личности, связанные с выраженностью этнической толерантности / интолерантности.

Ключевые слова: этническая толерантность, этническая идентичность, социальная дистанция, этнический стереотип, этническое большинство / меньшинство.

Features of Ethnic Tolerance of Residents of Frontier Areas of Russia and Kazakhstan

A. V. Guslyakova

This article presents results of the study of interethnic relations in two border areas: polyethnic area of Russia and monoethnic area of Kazakhstan. The social psychological factors and peculiarities of personality examined and correlated with the manifestation of ethnic tolerance / intolerance.

Key words: ethnic tolerance, ethnic identity, social distance, ethnic stereotype, ethnic majority / minority.

Реальная практика межэтнического взаимодействия в России и ближнем зарубежье последних десятилетий, распад СССР и последующие межэтнические конфликты как в пределах

России, так и по ее периметру заставили специалистов-гуманитариев обратиться к проблеме этничности и этнической толерантности¹. Представляют интерес межнациональные отношения в районах, находящихся на границе России и стран ближнего зарубежья. В нашей статье рассмотрены два района, разделенных Российско-Казахстанской границей: Палласовский район Волгоградской области и Жанибекский район Западно-Казахстанской области. Первый относится к исторически сложившимся поликультурным регионам: представители более 60 национальностей и народностей проживают на его территории, русские незначительно преобладают над казахами, кроме того, здесь живут татары, украинцы, немцы, чеченцы и др. Что касается Жанибекского района, то хотя он и расположен в непосредственной близости от Палласовского, его национальный состав значительно отличается от первого: более 90% населения – представители казахской национальности, меньшую численную представленность имеют здесь русские, другие нации практически отсутствуют.

В ходе изучения межэтнических отношений сопоставительному рассмотрению подле-